

Это случилось в среду после полудня. В «детский день». Я сидела за письменным столом. Сосредоточенная. Неподвижная. Я видела только экран перед собой и ничего больше. В квартире было тихо, если не считать отдаленного гудения машин на бульваре. На часах — половина третьего.

Зазвонил мобильный. На экране появился номер. Номер, который не говорил мне ничего. Я приняла звонок.

— Алло! Мадам Райт?

Мужской голос, тоже незнакомый.

— Это вы — мать Малькольма Райта?

Я ответила, что да, я его мать. Но что случилось? Что?

— Несчастный случай. Вы должны приехать немедленно.

Несчастный случай... Мой сын. Ему ведь тринадцать! Я резко вскочила на ноги. Чашка с чаем на столе закачалась.

— Кто у телефона?

— Служба скорой помощи, мадам. Вы должны приехать. Вашего сына сбила машина на бульваре М. Он получил травму, водитель скрылся с места происшествия. Мы возем мальчика в больницу Х.

Я вслушивалась в этот незнакомый голос. Несчастный случай... Малькольм... Водитель скрылся с места происшествия... В голове вертелась сотня вопросов, но у меня не получалось их задать. Губы вдруг стали какими-то вялыми, непослушными. Они просто отказывались шевелиться. В голове мелькнуло, что нужно предупредить Эндрю. И если я сейчас уеду, то кто заберет Джорджию с танцев? Нет, все это неправда, это страшный сон, такого просто не может быть... Но из трубки по-прежнему доносилось бормотание медработника:

— Поторопитесь, мадам! Это не терпит отлагательств. Приезжайте немедленно!

Я собрала вещи, схватила телефон, куртку и выскочила из квартиры. Пробежала мимо кого-то на лестничной площадке,

кажется, даже толкнула этого человека. Думаю, бросила на бегу «Простите, пожалуйста!», но точно не уверена...

Уже тогда у меня появилось предчувствие, что теперь все уже никогда не будет так, как раньше. Что вся моя жизнь переменялась. Вот так. За несколько секунд. Дорога до больницы казалась бесконечной. Красный на каждом светофоре горел целую вечность. Я попыталась дозвониться до мужа. Включился автоответчик. Я не стала оставлять сообщение. Да и что я могла сказать? «Эндрю, Малькольма сбила машина. Мне позвонили из службы скорой помощи. У него травма. Я еду в больницу. Приезжай побыстрее!» Все это мне хотелось сказать. Но, услышав звуковой сигнал и сообщение, надиктованное приветливым бодрым голосом Эндрю на двух языках: «Hi, you've reached Andrew Wright, please leave a message after the tone¹. Оставьте сообщение после звукового сигнала. Спасибо!», я не смогла произнести эти слова — тяжелые, ужасные слова. Нет, это невозможно!

Больница. Шум. Толпа. Запах. Бесконечные коридоры. Покрипывающие тележки. Чужое горе. Мое горе. И обычные обитатели больниц — вечно спешащие медсестры, бездушные белые халаты. И вдруг среди всего этого — сочувствие во взгляде, улыбка, пожатие руки, которое помогает окончательно не потерять надежду... Вот и доктор. Ему около сорока, мы сверстники. Узкое худое лицо. Хорошо поставленный низкий голос.

— Он в коме, мадам. Состояние можно назвать стабильным. Но вы пока не сможете его увидеть.

Кома... Слово резануло меня по живому. Малькольм не умер, но он в коме. В состоянии, похожем на сон. Не умер. Кома. Я ничего не знала о коме. Мне случалось видеть это в кино, но в реальности я никогда с таким не сталкивалась.

— От удара автомобилем ваш сын получил черепно-мозговую травму, что и вызвало кому.

¹ Здравствуйте! Вы позвонили Эндрю Райту. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение после звукового сигнала (англ.). — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

Я посмотрела на свои кроссовки — подходящая обувь для ошарашенной горем матери. Кома. Какое забавное слово... Ужасное короткое слово. Малькольм — кома. Малькома.

— Вы уже позвонили отцу?

Отцу? Ах да, моему мужу.

— Нет, я не смогла дозвониться.

— Давайте сделаем это вместе. Идемте со мной!

Кабинет с ветхой обстановкой, старенький бежевый телефон. Номер Эндрю. Автоответчик. Я набрала номер агентства. Голос его секретаря: «Это вы, Жюстин? Добрый день! Эндрю на собрании, он сейчас не может с вами поговорить».

Я сказала:

— Пускай он возьмет трубку. Малькольма сбила машина.

Срывающимся от волнения голосом она ответила:

— Да, конечно! Господи, конечно, простите!

Голос Эндрю. Выбор слов. Это нелегко — подбирать правильные слова, когда хочется упасть на пол, рыдать и сучить ногами. Он действительно на собрании, вокруг — люди. Я поняла это по его спешке, по чуть сконфуженному тону («Простите, это моя жена, — кривая улыбка, — это на пару минут, не больше»).

— Жюстин, what is the problem?¹

Он готов был услышать о неоплаченном счете, о машине, которая не заводится, об учителе математики, который недоволен поведением Малькольма в классе. Он наверняка думал, что я снова буду надоедать ему с житейскими мелочами — банальными, неважными.

Выбор слов... Они должны быть скупыми. Верными. Точными.

— Эндрю, я в больнице X. Малькольма сбила машина, водитель скрылся. У нашего сына черепно-мозговая травма. Он в коме. Рядом со мной доктор. Ты должен приехать немедленно.

Я гордилась тем, что в присутствии врача сумела сдержать слезы. Я не слышала, что ответил Эндрю. Думаю, что он едет. Да, он едет.

Мне хотелось увидеть сына. Обнять его. Поцеловать. Но доктор сказала, что еще слишком рано. Я испугалась, спросила:

¹ Что случилось? (англ.)

это потому, что он тяжело ранен, изуродован, поэтому они не хотят мне его показывать? Он ответил, что это не так, что состояние мальчика стабильное, но критическое. Ему нужны тишина и покой. И я очень скоро смогу его увидеть. Я вдруг вспомнила о Джорджии. Занятия в танцевальной студии должны были закончиться через тридцать минут. Джорджии девять лет. Я закрыла глаза. Врач спросил, все ли со мной в порядке. Я сказала: «Дочка! Я не знаю, кто заберет мою дочку с танцев!» Он посоветовал: «Позвоните кому-нибудь. Может, матери или подруге?» Я позвонила. Матери. Я попросила ее забрать Джорджию с танцев, потому что Малькольма сбила машина. Я сказала, что он не очень пострадал, потому что это была моя мать и мне не хотелось ее тревожить.

И я разозлилась на себя за это, потому что Малькольм получил серьезную травму, а значит, я соврала маме.

Мы с Эндрю оказались перед прилежным полицейским, который сидел за стареньким трещавшим компьютером. Маленькая комната без окон. Затхлый воздух. Перед столом всего один стул, поэтому Эндрю остался стоять у меня за спиной.

Гражданское состояние. Адрес. Профессия. Муж отвечал на вопросы четко и спокойно. Своим обычным голосом. Словно ситуация, в которой мы оказались, совершенно нормальная. Словно совершенно нормально сообщать все эти сведения незнакомому человеку здесь, сегодня...

Родился в Норвиче в апреле 1963 года. Гражданство: британец. Место проживания: Париж, 14-й округ, улица Д., дом 27. Профессия: архитектор. Акцент, от которого он так и не избавился за двадцать лет, прожитых во Франции, вызвал у полицейского легкую улыбку. Я к этому привыкла, мне тоже случается улыбнуться, когда Эндрю говорит по-французски, но только не сейчас. Сейчас его акцент не казался мне забавным.

Когда пришел мой черед, я отвечала на вопросы глухо и монотонно. У меня бы не получилось по-другому. Даже если Эндрю это показалось нелепым — пускай. По его мнению, нужно «держаться удар» при любых обстоятельствах. Никогда не выдавать своих эмоций. *Never explain, never complain*¹. *Stiff upper lip*². Но мне было все равно, что он обо мне думает.

Родилась в Клиши, в ноябре 1965 года. Гражданство: француженка. Переводчица. Проживаю по тому же адресу. Нас попросили предоставить тот же набор сведений о Малькольме. Родилась в Париже 14 сентября 1990 года. Учится в коллеже. Потом полицейский попросил описать, что случилось на месте происшествия. У меня округлились глаза, Эндрю сохранил невозмутимость. Ровным голосом он сказал, что мы не знаем. Да и как мы

¹ Никогда не объяснять, никогда не жаловаться (*англ.*).

² Плотно сжатые губы (*англ.*) — идиома; означает умение сохранять хладнокровие в любой ситуации.